

В.Г.ГУЗЕВ, С.Г.КЛЯШТОРНЫЙ
(Санкт-Петербург)

Древняя письменность Великой степи

Настоящая статья преследует цель свести воедино все высказанные авторами в предыдущих публикациях (см. ниже) соображения и приведенные ими факты, которые в целом представляют собой концепцию автохтонного возникновения приблизительно в середине VII в. письменной системы, известной как древнетюркское руническое письмо (далее — ДТРП). Особое значение придается решению типологической задачи — установить, к какому типу мировых письменных систем относится тюркская руника. (Обзор литературы см. [Sinor, 1963: 86–96; Кляшторный–Лившиц, 1978: 37–60; Кононов, 1980: 3–23; Щербак, 2001; Васильев, 1983].)

В 1993 г. авторами настоящих строк была начата и продолжается в настоящее время разработка концепции автохтонного изобретения тюрками своего национального письма [Гузев–Кляшторный, 1993; Guzev, Kljashtornyj, 1995a: 27–33; Guzev–Kljashtornyj, 1995b: 83–92]. С самого начала исследований авторы опирались на новейшие концептуальные достижения всемирно известных *историков письма* (знакомые широкой общественности труды Д.Дирингера, Э.Добльхофера, Х.Енсена, В.А.Истрина, М.Коэна, Ч.Лоукотки, И.Фридриха и многих других), а также на работы ученых, разрабатывавших проблемы *науки о письме — грамматиологии* (акад. В.В.Струве, проф. И.М.Дьяконова, И.Е.Гельба и др.). По словам И.М.Дьяконова, значение труда И.Е.Гельба, первое издание которого увидело свет в 1952 г. [Gelb, 1974; рус. пер.: Гельб, 1979], заключается в том, что «впервые... письмо как специфический тип знаковой системы со своими особыми задачами и законами, как особая отрасль мировой культуры предстало в качестве предмета *самостоятельной науки* (курсив наш. — ВГГ, СГК). И.Е.Гельб предложил назвать эту науку грамматиологией» [Дьяконов, 1979: 5]. Как пишет сам И.Е.Гельб: «Новая наука делает попыт-

ку установить на сравнительно-типологической основе общие принципы, управляющие употреблением и эволюцией письма» [Гельб, 1979: 9].

По справедливому замечанию И.Е.Гельба, «чрезвычайно интересная проблема „происхождения“ письма скрыта во мраке веков, и решить ее так же трудно, как проблему „происхождения“ таких важных аспектов нашей культуры, как искусство, архитектура, религия и социальные институты» [Гельб, 1979: 30].

Совместная работа авторов настоящей статьи, а также развитие и апробация концепции в докладах на научных конференциях в Санкт-Петербурге, Москве, Лейпциге, Стамбуле и в публикациях на английском, русском, немецком и турецком языках, в которых была предпринята попытка максимального использования мирового опыта грамматологии [Гузов, 1994: 67–72; Гузов, 1999: 47–51; Гузов, 2000: 30–38; Гузов, 2004: 24–33; Гузов, 2007: 85–88; Guzev, 1998: 111–115; Guzev, 1999: 461–465; Guzev–Kljashatornyj, 1995a: 27–33; Guzev–Kljashatornyj, 1995b: 83–92], большинством коллег была встречена с одобрением. Концепция проходит апробацию также и в студенческой аудитории: она преподается на кафедре тюркской филологии СПбГУ в виде курса «Древнетюркское руническое письмо в свете общей теории письма».

* * *

В 20-е годы XVIII в. капитаном шведской армии Карла XII, попавшим в плен в битве под Полтавой, Филиппом-Иоганном (Юханом) Страленбергом (1676–1747) и известным путешественником по Сибири, немецким натуралистом Даниилом Готлибом Мессершмидтом (1685–1735), приглашенным Петром Великим для исследования Сибири, в долине Верхнего Енисея были обнаружены предметы из древних курганов и стелы с надписями неизвестным письмом. Первооткрыватели назвали это письмо «руническим» по сходству его знаков с хорошо известными североевропейскими рунами. В трудах каждого из них приводятся зарисовки нескольких рунических надписей. Впоследствии сибирскими руническими надписями интересовался целый ряд ученых: зоолог и путешественник П.С.Паллас, горный инженер Г.И.Спасский, опубликовавший в издаваемом им журнале «Сибирский вестник» статью «Древности Сибири», в которой содержалась таблица известных тогда рунических надписей [Кононов, 1980: 9–10].

Относительно этнического и языкового происхождения надписей выдвигались различные предположения. Их относили к наследию готов, индо-готов, греко-готов и т.п. Г.И.Спасский считал, что они сла-

вянского происхождения. Акад. А.А.Шифнер (1817–1879) выдвинул, как теперь выясняется, наиболее перспективную гипотезу — о происхождении рунического письма из тюркских тамг. Французский востоковед Абель Ремюза (1788–1832) высказал полностью подтвердившееся впоследствии предположение, что надписи находятся на земле обитания тюрков [Кононов, 1980: 9–10].

Журналист и путешественник Николай Михайлович Ядринцев в 1889 г. в Северной Монголии, в долине Кошо-Цайдам, на берегу р. Кокшин-Орхон (приток реки Орхон) в 400 км западнее Улан-Батора открыл два больших камнеписных текста, исполненных «сибирскими рунами» (памятник в честь Кюль-тегина (ум. в 731 г.) и его брата, тюркского кагана Могилян-хана (ум. в 734 г.), известного под титулом Бильге-каган). В 1891 г. Н.М.Ядринцев сделал второе большое открытие — Онгинский памятник. По его следам были снаряжены две экспедиции: финская (1890) под руководством А.Гейкеля и русская академическая экспедиция (1891) во главе с В.В.Радловым (1837–1918). По возвращении обе экспедиции издали атласы орхонских памятников. Лишь после этих важных находок стала возможной дешифровка загадочной письменности. В.В.Радлов в Петербурге и датский лингвист В.Томсен (1842–1927) в Копенгагене одновременно принялись за дешифровку надписей.

Самая древняя дошедшая до нас камнеписная (как и большинство памятников этого письма) надпись, выполненная тюркской руникой (Чойрэнская надпись на каменном изваянии на южной границе Хангая), относится к периоду 688–691 гг. н.э. Обширные рунические тексты, обнаруженные в Северной Монголии в долине реки Орхон, изготовлены в начале VIII в.: памятник в честь Кюль-тегина — тюрко-китайская двуязычная надпись, высеченная на мраморной стеле в 732 г. (суммарное количество строк разрозненных тюркских текстов — около 70); памятник Могилян-хану (Бильге-кагану) представляет собой семь таблиц текстов (всего более 50 строк), высеченных в 735 г.; памятник в честь Тоньюкука — 62 строки рунического текста, высеченные на каменной стеле, по одним данным, после 716 г., по другим — между 732 и 734 г. Имеется также большое количество разного рода мелких надписей, преимущественно эпитафий, в долине Верхнего Енисея, в Восточном Туркестане, в бассейне реки Талас, на Алтае. Этот факт может означать, что письмом, о котором идет речь, возможно, пользовались народы, говорившие на разных тюркских языках. Однако эти языки должны были быть весьма близкими, близкородственными. Рунические и руноподобные надписи обнаружены в разных районах европейской части России, в Венгрии, в Румынии и в Болгарии.

В.Томсен 25 ноября 1893 г. первым нашел ключ к дешифровке тюркской руники. В.В.Радлов к этому времени тоже установил фонетическое означаемое около полутора десятков знаков, а в 1894–1895 гг. опубликовал в Санкт-Петербурге последовательно четыре постепенно улучшаемых варианта перевода на немецкий язык упомянутых надписей и ряда других текстов. В 1897 г. Елизавета Николаевна Клеменц открыла в Северной Монголии еще один крупный древнетюркский рунический текст — памятник в честь Тоньюкука, который был издан В.В.Радловым с транскрипцией и также с немецким переводом в 1899 г.

Со времени дешифровки тюркской руники началось всестороннее осмысление материала надписей. Немало внимания уделяется проблеме происхождения и устройства письма. Уже в работах В.Томсена о ДТРП отчетливо проявляется противоречие, которое наблюдается и у ряда последующих авторов. С одной стороны, налицо желание найти иностранный источник тюркской руники: «Источник, откуда берет начало тюркский алфавит, если не непосредственно, то, по меньшей мере, через посредника, — это та разновидность семитского алфавита, которую называют арамейской. Именно это доказывает количество специфических сходств букв по форме и по значению, не говоря уже о том, что с этим вполне согласуется направление письма справа налево» [Thomsen, 1922: 73–74]; с другой стороны — убежденность в рисуночном происхождении некоторых *консонантных* знаков. Наибольшей популярностью у исследователей пользуется гипотеза об иностранном происхождении письма, проще говоря, о заимствовании его у других цивилизаций. Так, Дж. Клосон считает, что ДТРП было изобретено одним человеком, скорее всего согдийцем, взявшим в качестве прототипа «иранский алфавит» и дополнившим его несколькими буквами из греческого алфавита [Клосон, 1986: 135–158]. А.С.Аманжолов стремится обнаружить генетические связи рунических знаков [Аманжолов, 2003: 287–352]. В.А.Лившиц, опираясь на Р.Готью, отстаивает, сопоставляя внешнюю форму рунических знаков с согдийскими буквами, гипотезу о заимствовании рунических знаков из согдийского письма [Лившиц, 1978: 84–98]. О.Сулейменов размышляет о возможных связях ДТРП с другими *алфавитами* [Сулейменов, 1978: 43–53]. О.Прицак высказывает предположение о производности ДТРП «от пока неизвестного западно-семитского силлабария через одного или более иранских и/или алтайских посредников, о его силлабическом характере и т.д.» [Pritsak, 1980: 83–100]. По мнению А.Рона-Таша, ДТРП восходит к одному из арамейских *алфавитов*, который был близок к армазскому, и прошло четыре эволюционных этапа [Rona-Tas, 1987: 7–14].

Публикации, посвященные проблеме происхождения древнетюркского рунического письма, свидетельствуют о том, что их авторы, начиная с Д.Г.Мессершмидта и Ф.И.Таберта-Страленберга и кончая нашими современниками, пытаются решить эту проблему путем сопоставления тюркских знаков со знаками письменностей других цивилизаций.

Опыт, накопленный наукой о письме, свидетельствует, что увлечение формами графических знаков при игнорировании внутреннего устройства исследуемой письменности — обычная ошибка, которая наблюдается в истории изучения самых разных письменных систем на земле.

Полезно напомнить, что еще в 1894 г. сам В.Томсен скептически отнесся к мнению тех, кто, сопоставляя северноевропейские руны с «нашим алфавитом», допускал, что последний мог попасть к тюркам через север Сибири. «Есть одно обстоятельство, — пишет он, — которое необходимо отметить: тюркский алфавит, подобно германским рунам, в основном состоит из вертикальных или наклонных линий и избегает горизонтальных черточек (правда, тюркский, в противоположность рунам, иногда использует изогнутые линии, ср.: λ , ρ , D , ω). Если мой проницательный соотечественник Й.-Х.Бредсдорфф был прав, высказав предположение, как он это сделал уже в 1822 г., что руны этим сходством в первую очередь обязаны тому обстоятельству, что они должны были вырезаться на дереве и это делало неудобными черточки, располагавшиеся вдоль волокон, то нельзя считать невероятным, что то же самое соображение следовало бы иметь в виду в отношении формы тюркских букв» [Thomsen, 1922: 71–72].

В трудах историков мировых письменностей отчетливо отдается предпочтение внутренней форме как главному, стержневому содержанию эволюции письменных систем и признается второстепенное значение внешней формы письма. Так, И.Фридрих свой краткий обзор основных этапов, которые проходит письмо в процессе эволюции, включает следующим поучительным выводом: «Я надеюсь, и дилетанту теперь ясно, что путь от словесного (рисуночного) письма к звуковому письму, от „рисунка к букве“, как К.Зете назвал свою историю письменности, не прост и не прям. Содержание, внутренняя форма, которая не проявляется прямо и *обычно вообще не принимается во внимание* (курсив наш. — ВГГ, СГК), более консервативна, чем это кажется непосвященному. Иначе и гораздо проще обстоит дело с чисто графической, внешней формой письменных знаков и ее изменением. Переход от рисуночной формы письменного знака к стертой линейной штриховой форме обычного письма может показаться неспе-

диалисту процессом необыкновенно длительным. Но практика современного письмотворчества показывает, что такой процесс совершается быстро, в течение немногих десятилетий... Дальнейшее изложение подтвердит, что изменение внешней формы письменных знаков происходит легко и быстро, в то время как содержательная сторона внутренней формы письма в меньшей степени подвержена изменениям и менее ощутима» [Фридрих, 1979: 47].

И.Гельб, излагая историю разработки вопроса о происхождении семитских письменностей, пишет, что едва ли на Ближнем Востоке или за его пределами существовало какое-либо письмо, которое бы не принималось тем или иным исследователем за архетип семитского письма, а наибольшей популярностью пользовалась египетская теория. «Но подход к вопросу, — продолжает он, — был во всех случаях совершенно одинаковым и опирался исключительно на *сравнение форм*» (курсив наш. — ВГГ, СГК) [Гельб, 1982: 135].

В интересах более адекватного истолкования следующего отрывка из И.Гельба необходимо отметить, что увлечение внешней формой письма обычно сопряжено у исследователей с другой иллюзией — с априорным, как с чем-то само собой разумеющимся, восприятием знаков неизвестного письма как букв, т.е. фонемных (а не словесных или слоговых) графем. В этом отрывке тюрколог сталкивается с картиной, напоминающей ситуацию с семитской версией происхождения ДТРП: «Идея образования семитского письма из египетского подтверждается, по мнению ряда исследователей, тем, что в обоих алфавитах — египетском и семитском — нет знаков для гласных. Невнимание к тому, что это кажущееся совпадение еще само нуждается в доказательстве, отчетливо показывает степень ослепления исследователей результатами формального сравнения, проведенного ими при полном пренебрежении к данным внутренней структуры» [Гельб, 1982: 135–136].

Под «гласными» в приведенном тексте или цитате понимаются гласные фонемы. В тюркской рунологии положение с «вокалическими» знаками иное, но оно также порождает заблуждения, идущие от их буквенного, т.е. фонемографического, восприятия. В отношении четырех фигурирующих в орхонских надписях вокалических графем не допускается мысли, что они могли быть (пусть хотя бы на одном из этапов формирования ДТРП) знаками односложных слов (типа ʁ /y/ «растение», > /u/ «сон», > /u/ «мочь», ʁ /ö/ «думать» и т.п.) или слогов, состоявших из одной гласной. Вместе с тем, отсутствие в написаниях слов ожидаемых (с позиции алфавитного восприятия текста) вокалических графов истолковывается не как проявление словесно-слоговых свойств письма (даже в таких бесспорных случаях, как: ʁ×ʁ (БК 32)

äbdä «в доме», 𐤁𐤃𐤅𐤁 (Тон 30) äbgärü «домой», 𐤁𐤃 (Тон 30) atyg «лошадь» (падежная форма), 𐤁 (Тон 31, 32) aj «месяц», 𐤁 (КТб 36) ok «стрела»), а как одно из свидетельств в пользу гипотезы о семитском происхождении ДТРП, допускавшей самим В.Томсеном [Thomsen, 1922: 75–82].

Для тюрколога весьма поучительным оказывается опыт исследователей семитского письма: «Так обстояло дело, пока лет пятнадцать тому назад происхождение семитского письма не стало изучаться группой исследователей, которые подошли к этой проблеме совершенно иначе. Они исходили из того, что при изучении различных систем письма не следует, как это делалось раньше, придавать преувеличенное значение сравнению формы знаков в ущерб внутренним структурным характеристикам. Такой подход не был совершенно нов. Уже в годы Первой мировой войны и несколько позже Амелия Герц и К.Ф.Леманн-Хаупт не только высказали эту мысль, но и показали на примере многих письменностей, созданных примитивными народами, что формы знаков были изобретены этими народами самостоятельно; при этом, однако, оказалось, что внутренние структурные характеристики письма свидетельствуют о стимулирующем воздействии на них европейских систем письма. Однако случилось так, что новый подход обрел силу лишь позже, в серии статей Иоганнеса Фридриха, Рене Дюссо и Ганса Бауэра» [Гельб, 1982: 137].

Представляется полезным воспользоваться также следующим рассуждением И.Гельба, способным подкрепить гипотезу об автохтонности ДТРП: «Уже много лет тому назад я сделал наблюдение, что в тех случаях, когда существует развернутая дискуссия об истории какого-либо письма, охватывающая десятки расходящихся мнений о происхождении его *форм* (курсив наш. — ВГГ, СГК) от той или иной конкретной системы, сомнительной оказывается сама исходная концепция. На практике бывает так: либо дискуссия быстро прекращается, потому что возведение одного письма к другому оказывается делом несложным и сразу получает общее признание, как, например, в случае возведения греческого письма к определенной форме семитского, либо же обширный список противоречивых мнений лишь показывает, что еще не достигнуто правильное понимание того, каким именно образом формы данного письма могут быть возведены к другому, как это, например, имеет место с германскими рунами. Отсюда следует вывод, что, *когда не удастся достичь согласия о происхождении форм какой-либо системы письма, ее знаки оказываются обычно не заимствованными извне, а свободно и произвольно изобретенными* (курсив наш. — ВГГ, СГК)» [Гельб, 1982: 138].

Приведенные выше слова В.Томсена, которыми со ссылкой на Й.-Х.Бредсдорффа выражено скептическое отношение к попыткам сближения североευропейских рун с древнетюркским письмом, получают в свете данных современной грамматологии убедительное теоретическое обоснование: «Какие обманчивые результаты могут быть получены, если идти по пути некритического сравнения формы знаков, хорошо видно из рис. 77, где сравнивается форма знаков семитского письма и семи различных других письменностей, выбранных наудачу из числа тех, которые, как предполагают, используют произвольно изобретенные знаки. В то время как среди этих восьми письменностей нельзя выбрать такие, общность происхождения которых могла бы быть доказана, все они содержат некоторое количество знаков, полностью совпадающих или имеющих большое сходство между собой. Причина этого совершенно понятна. Хотя теоретически число линейных форм, пригодных для использования в качестве знаков, бесконечно, практически часто выбираются простые формы, имеющие вид прямых линий, треугольников, квадратов и кругов, потому что их легче запомнить. Число же подобных геометрических форм весьма ограничено. Так, Питри, исследуя метки и знаки различных доисторических и исторических систем, распространенных вокруг бассейна Средиземного моря, насчитал среди них всего лишь около шестидесяти разных форм» [Гельб, 1982: 142]. Наличие у ДТРП и у приводимого И.Фридрихом перечня общегерманских и скандинавских рун не менее 16 общих знаков (Є, >, x, l, J, Y, ↓, B, H, M, Γ, X, H, M, λ, 1) [Фридрих, 1979: 362] может служить убедительной иллюстрацией приведенных слов И.Гельба.

К числу приверженцев поиска пути решения задачи в сфере внешней формы письма несомненно принадлежат и авторы гипотезы о происхождении тюркских рун из распространенных у тюрков древних родовых знаков и вместе с тем знаков собственности — так называемых *тамг* (А.Шифнер, Н.А.Аристов, Н.Г.Маллицкий, Д.Н.Соколов) [Соколов, 1904: 1–90, табл. к гл. V; Аманжолов, 1978: 82].

Последний из перечисленных сторонников тамговой гипотезы, Д.Н.Соколов, показал, что *каждый тюркский рунический знак имеет своего близнеца среди тюркских («башкирских») тамг, т.е. национального рисуночного фонда тюрков*. Только предвзятостью подхода можно объяснить, почему коллеги, столь преданные внешней форме письма, игнорируя этот очевидный и, казалось бы, весьма привлекательный факт, упорно отстаивают семитско-иранскую версию, разрабатывая гипотезы о путях (скорее всего, иллюзорных) превращения согдийских графем в тюркские руны.

Между тем тамговая гипотеза заслуживает самого пристального внимания с позиции общей теории письма. Известный историк письменностей И.Фридрих истолковывает тамги как особый вид «рисуночного письма» [Фридрих, 1979: 37, 40]. Последнее рассматривается создателем общей теории письма И.Гельбом как одна из разновидностей «предписьменности», или семасиографии, т.е. как неизбежная эволюционная ступень, которую проходит функционирующая в данной цивилизации система *изобразительных или мнемонических (напоминательных) знаков* (еще не связанных с языковыми единицами) на пути превращения ее в *собственно письменность*, т.е. систему «*зримых условных знаков*» (курсив наш. — ВГТ, СГК), *передающих языковые элементы (слова, слоги или фонемы)* [Гельб, 1982: 34, 317, 318–319].

Следовательно, тамговая версия, которая также зародилась на путях поиска внешнего подобия знаков, вполне согласуется с закономерностями эволюции письменностей, возникавших автохтонно: такие системы на предписьменном этапе черпают свой арсенал знаков в первую очередь из уже существующего национального рисуночного фонда (а таковым у древних тюрков был именно тамговый фонд); в качестве родовых знаков и знаков собственности тамги выполняли, заметим, коммуникативную функцию, т.е. находились в русле эволюции, которая приводит к возникновению подлинного письма, т.е. такого, знаки которого передают единицы языка.

Примитивность, простота начертания, полная пригодность как с точки зрения средств (резец), так и материалов (дерево или камень) письма вполне могли делать тамги весьма привлекательными знаками для создателей ДТРП. К тому же, и по имеющимся историческим сведениям тамговый фонд существовал у древних тюрков задолго до возникновения ДТРП.

Два обстоятельства: 1) продемонстрированное Д.Н.Соколовым полное совпадение древнетюркских рунических знаков с тюркскими тамгами и 2) как будет показано ниже, не вызывающее сомнения наличие в ДТРП некоторого количества исконно тюркских рисуночных знаков, которые вполне могли возникнуть и изначально функционировать в качестве тамг задолго до VI–VII вв., — делают тамговую версию важной составной частью гипотезы об автохтонном происхождении ДТРП.

Из всего сказанного выше следует, что попытки решать проблему происхождения ДТРП, оставаясь исключительно в кругу фактов из сферы внешней формы письма, едва ли имеют перспективу. Хотя, разумеется, исследователь не может игнорировать наличие в репертуаре знаков таких графем, которые, судя по тем или иным признакам, мог-

ли возникнуть и выполнять коммуникативную функцию на семасиографических этапах формирования национального знакового фонда.

На тезис о бесперспективности попыток решить проблему происхождения письменности с опорой на ее внешнюю форму можно возразить — бывает же и простое прямое заимствование письма, и в таких случаях разные языки обслуживаются не только похожими, но и попросту одними и теми же знаками. Однако, размышляя о подобных случаях, необходимо иметь в виду одно очень важное обстоятельство: как свидетельствует история письменностей и общая теория письма, чужая письменная система заимствуется вместе с ее внутренним устройством [Гельб, 1982: 34, 317, 318–319].

Для тюркской рунологии это означает, что если бы древние тюрки заимствовали согдийское курсивное письмо, которое характеризуется иранистами как алфавитное [Лившиц, 1978: 84–91; Лившиц–Хромов, 1981: 347–514], то было бы невозможно объяснить, почему тюркская руника обладает явными признаками предписьменного состояния (отмеченное тамговое начертание знаков, наличие пиктограмм) и освещавшимися в печати указаниями на слоговое устройство письма. (Помимо цитируемых публикаций авторов настоящей работы см., например, [Johanson, 1994: 84, 93].)

Яркий пример плачевного последствия другого (уже упомянутого) научного предрассудка — априорного восприятия изучаемого письма как алфавитного — приводит И.М.Дьяконов: «Если до Э.Х.Хинкса исследователи находили в ассиро-вавилонском письме по семи знаков, передававших один и тот же согласный (что нелепо), то Хинкс показал, что знаков для одних согласных в этом письме нет вовсе, зато есть знаки типа Г, СГ, ГС и СГС, так что „семь разных знаков“ для одного согласного оказались знаками, передающими совершенно разные последовательности фонем или силлабем, включавших данный согласный» [Дьяконов, 1979: 18]. Здесь уместно вспомнить ближайшую тюркологическую параллель — миф о наличии в ДТРП пяти знаков для согласной /k/, который, как будет показано в настоящей работе, легко развеивается путем осознания того простого факта, что в действительности (по меньшей мере изначально) имелось пять словесных и/или слоговых знаков, означаемые которых содержали эту фонему (подробнее см. ниже). Следствием этого же предрассудка и нежелания воспользоваться фонологическим опытом являются и другие мифы тюркской рунологии: так называемый консонантный дуализм и иллюзорное наличие «лигатур» знаков для сочетаний согласных (согласных кластеров). Все эти особенности ДТРП или не получили вообще, или получили неудовлетворительные объяснения в традиционной тюрк-

ской рунологии, но вполне объяснимы как проявление словесных или слоговых свойств ДТРП (см. ниже).

Исследователей, несомненно, сбивает с толку наличие в тюркских рунических текстах алфавитных написаний слов и словоформ, как, например, 𐰃𐰆𐰏𐰇𐰏𐰆 𐰃𐰆𐰏𐰇 (КТм 8) *ilin törüsin* «[отдали] свой племенной союз и власть над собою» (перевод С.Е.Малова) (ср. [Ščerbak, 1996: 81]). Однако для адекватного истолкования внутреннего устройства ДТРП нельзя упускать из вида и иные — логографические начертания (см. приводимые в настоящей работе примеры написаний, опирающиеся на изобразительные признаки знаков типа ↓ (Тон 30, 33) ok «стрела», 𐰃 (БК 32) äb «юрта», 𐰃 (Тон 54) at «лошадь»), а также силлабографическую (типа 𐰃𐰆 (Тон 40) äki «два», 𐰃𐰆 (Тон 24) aḡar «туда») передачу слов. Иначе исследователь становится на путь не осмысления всей совокупности фактов, а отбора таковых для бессмысленного отстаивания одной определенной точки зрения.

В истории и теории письма давно уже известно, что в процессе естественной эволюции системы знаки для отдельных слов легко приспособляются для передачи слогов, и силлабограммы могут приобретать способность быть знаками для фонем [Гельб, 1982: 76, 168–171]. А это означает, что ничто не препятствует знаку репрезентировать в текстах и слова, и слоги, и отдельные фонемы.

Оба обсуждавшихся выше недостатка тюркской рунологии — излишнее увлечение внешней формой знаков и бездоказательное восприятие письма как алфавитного, вкупе с игнорированием современной фонологии — подтверждают общеизвестное положение: нельзя всерьез разрабатывать какую-либо проблему в отрыве от мирового научного процесса в соответствующей сфере.

Не может быть сомнения в том, что возникновению письменности у той или иной цивилизации должны предшествовать соответствующие исторические предпосылки, прежде всего развитая общественная жизнь — должен быть достигнут необходимый административный, экономический, социальный, культурный уровень ее развития. По мнению И.М.Дьяконова, в числе такого рода факторов было «создание классового общества и государства, нуждающегося в упорядоченной переписке, в сохранении содержания хозяйственных, правовых и административных актов на длительное время и в передаче их на расстоянии» [Дьяконов, 1963: 6, 8].

Очевидным фоном изобретения ДТРП является именно резко возросшая в предтюркскую и древнетюркскую эпохи (первая половина и середина I тыс. н.э.) интенсивность культурного обмена в контактной зоне двух суперцивилизаций — дальневосточной (китайской) и пе-

реднеазиатской (семито-иранской). Обитателям Восточнотюркского каганата, которым предстояло изобрести национальное письмо, **хорошо были известны письменности этих соседствующих с ними культур, и они пользовались ими.**

Здесь уместно воспользоваться следующим грамматологическим наблюдением: письменным системам, создаваемым в условиях контактов с языками, имеющими развитые письменные системы, характерно ускоренное прохождение естественных эволюционных этапов — предписьменного (рисуночного), логографического (словесного) и силлабографического (слогового) [Friedrich, 1966: 30, 161–172; Gelb, 1974: 138–139, 206–211]. Следовательно, тюркская письменность и не могла не носить, хотя бы в какой-то мере, «подражательного» (И.Фридрих) характера. Именно «подражательным» характером письма может объясняться ускоренная (в течение 50–80 лет) эволюция ДТРП. К этому следует добавить, что, как будет показано, ДТРП имело чрезвычайно смешанное внутреннее строение в том смысле, что одновременно использовало приемы передачи трёх языковых единиц (слов, слогов и фонем), свойственные всем перечисленным этапам естественной эволюции письменных систем. ДТРП, обладая сформулированными свойствами, входит в тот же тип письменных систем, что и так называемые молодые письменности, возникшие в XIX и XX столетиях тем же «подражательным» путем в различных регионах земли, таких как Америка, Африка и Сибирь. Другим фактором, способствовавшим возникновению тюркской руники, была «острая потребность складывавшихся тогда тюркских государств в совершенных (по тем временам) средствах коммуникации для административно-политических и идеологических нужд» [Кляшторный, 2003: 234].

Пути решения этих проблем были весьма ограничены:

1. Использование для внутренних нужд Тюркской империи чужих языков и письменностей. Такой путь был реализован в первом Тюркском каганате, где в качестве языка канцелярии функционировали согдийский язык и согдийское письмо (Бугутская надпись 582 г.) [Klyashtornyj–Livshic, 1972].

2. Заимствование курсивного согдийского письма и его приспособление к тюркскому языку с последующим использованием его как для деловых, так и для религиозных текстов (серия согдо-тюркских документов). Этот путь в дальнейшем (VIII–IX вв.) привел к созданию так называемого древнеуйгурского письма.

3. Изобретение «национального» [Bazin, 1975: 43] письма на основе имевшегося фонда рисуночных средств. Как было сказано, этот путь и был реализован в условиях жесткого прессинга хорошо известных

тюркам и использовавшихся ими письменных систем — иероглифической (китайской) и буквенной (согдийской) (о политических, культурных и иных контактах тюрков см. [Кляшторный, 1964]).

Судя по замечанию китайских династийных хроник о существовании у тюрков в VI в. двух разновидностей письма, одно из которых похоже на письмо народа ху (т.е. согдийцев), а другое — на знаки на деревянных палочках (дошечках), употреблявшихся для фискальных целей, уже в Первом Тюркском каганате наряду с согдийским существовало ограниченное по функциям некурсивное письмо (резы) [Liu Mau-tsai, 1958: 9–10]. Позволительно предположить, что такого рода письмо было одним из ранних прообразов ДТРП. О существовании подобных прообразов, возможно, свидетельствуют неканонические рунические надписи, обнаруженные на Алтае, в долине Верхнего Енисея, в Восточном Туркестане и Семиречье. Дальнейшее развитие этих вариантов руники нашло отражение в восточноевропейском (хазарско-болгарском) руническом письме, представленном несколькими вариантами на пространстве Евразийской степи между Волгой и Дунаем [Кляшторный, 1987: 58–62].

Трудно сказать что-либо определенное о нижней (древней) границе появления у тюркских племен вариантов собственной письменности. Судя по надписям на серебряной чашечке из кургана Иссык (близ Алматы), относящейся к IV в. до н.э., и руноподобному варианту надписи на трехязычной стеле из Дашт-е Навура (Афганистан, р-н Газни), относящейся к рубежу нашей эры, руноподобные системы письма использовались уже историческими предшественниками тюрков — ираноязычными кочевниками Центральной Азии [Лившиц, 1978: 84–85]. Очевидно, на протяжении длительного исторического периода в условиях первоначально ограниченного поля для функционирования начертательных средств коммуникации неразвитая рисуночная и руноподобная знаковые системы могли использоваться с определенными целями уже на самом раннем этапе сложения тюркоязычных племенных союзов.

Таким образом, рисуночный фонд, который в последующем был использован тюрками для создания собственной письменной системы (если удастся установить преемственность между знаками сако-юэчжийского письма, отраженного обоими названными памятниками, и донормативными (предписьменными) вариантами тюркской руники), может оказаться достаточно древним (порядка тысячелетия или несколько более).

Имелись также факторы собственно лингвистического свойства. Теория письма давно уже обнаружила связь между типом, структурой,

устройством языка и 1) вероятностью появления у него письменности и 2) типом письма, который у данного языка сформировался [Sampson, 1998: 26–46, 145–171 et al.].

Язык древнетюркских рунических памятников имеет морфонологические свойства, благоприятные для развития ДТРП как словесно-слоговой системы письма. Основные из них:

Явное преобладание односложных слов. Согласно И.М.Дьяконову, «в языках, начинавших первыми применять письменность, существовало много односложных слов» [Дьяконов, 1979: 13]. То, что для возникновения односложного письма очень важным является явное преобладание односложных слов и легкая членимость текста на слоги, отмечается и другими исследователями [Friedrich, 1966: 28, 161–162, 170]. В древнетюркских языках, в период, представленный руническими памятниками, явно преобладают односложные слова: at «конь», aǰ «месяц», äb «юрта, дом», äg «мужчина, воин», oq «стрела», ag «сеть, рыболовная сеть», ı «дерево», ik «веретено», iç «пить» и т.д.

Полногласие. В рассматриваемом языке стечение согласных в слове было весьма ограниченным (нормальными были консонантные кластеры, содержащие сонант и смычный согласный, т.е. сочетания типа /ant/, /alt/, /anč/, /art/, которые действительно имеются в ДТРП в качестве означаемых соответствующих знаков). Стечение гласных же совсем отсутствовало. Этот факт является признаком того, что язык имел простое слоговое членение.

Типы слогов. Фонетическое значение графем ДТРП, установленное до настоящего времени, т.е. фонемы и цепочки фонем со строением ГС, Г, ГСС, полностью состыкуется с типологией тюркских слогов [Щербак, 1970: 107–110]. Слоги такого типа функционировали наряду со словами и слогами типа СГ, СГС и СГСС. Объяснить то, почему создатели ДТРП предпочли из шести видов слогов превратить в графемные фонетические означаемые только три из них, может быть одной из задач последующих изысканий.

Агглютинация и сингармонизм. Агглютинирующая морфология и почти не знающая исключений небная гармония гласных, делающие предсказуемыми гласные в словоформах речи, делает необязательным передачу посредством знака многих гласных при написании слов.

Перечисленные факты убедительно свидетельствуют о том, что морфонологические особенности языка рунических памятников были благоприятными для возникновения на его основе как словесного, так и слогового письма.

В пользу автохтонности древнетюркской руники свидетельствуют следующие факты и доводы:

1. Количество графем (40) почти вдвое превышает количество фонем (26) языка, в котором использовалось это письмо [Аврутина, 2005]. Сам по себе приведенный факт не может свидетельствовать о том, какова была «внутренняя форма» (И.Фридрих) интересующей нас письменной системы. Однако в связи с этим полезно напомнить читателю, что именно повышенное количество рунических графем породило у Вильгельма Томсена подозрение, что ДТРП является, возможно, силлабической системой: «Обилие отдельных знаков сразу делает вероятным предположение, что загадочное письмо это не есть обыкновенный алфавит с определенным знаком для каждого отдельного звука, а что оно должно быть или письмом слоговым или по крайней мере таким, в котором знаки для одного и того же звука в известных пределах разнообразятся, смотря по различным условиям, в которых этот звук находится» [Томсен, 1884: 327–337].

2. Употребление знаков, репрезентирующих слова и слоги, состоящие из одного гласного, преимущественно в конце начертаний слов и почти полное отсутствие силлабограммы для /a/ и /ä/ в начале начертаний слов свидетельствуют, по меньшей мере, о слоговом характере письма и том, что знаки представляли слоги, преобладающей структурой которых была структура ГС («гласный /a/ + /согласный/»). Например, начертание ЧЧДД ab ablasar (КЧ 9) «охотясь за добычей» свидетельствует о том, что графема Д представляла слог /ab/.

3. Одним из наиболее убедительных доказательств автохтонности древнетюркской рунической письменности является замеченное еще В.Томсеном и ставшее предметом анализа Е.Д.Поливанова наличие в силлабарии рисуночных знаков. Как пишет В. Томсен, у него не вызывало сомнений, что некоторое количество рунических знаков являются пиктографическими, представляя определенный объект, тюркское наименование которого отражается в фонетическом значении знака. Так, по его мнению, весьма вероятно, что D — не что иное, как изображение месяца, по-тюркски /aj/, ↓ — изображение стрелы, по-тюркски /ok/; ⚡ воспроизводит тюркскую юрту /äb/ с ее характерной решеткой (kärägü) внизу и войлочной кровлей. Эти сходства В.Томсен считал неоспоримыми и допускал, что есть и другие знаки, происхождение которых необходимо объяснять таким же образом, даже если они менее наглядны и могут вызывать большие сомнения [Thomsen, 1922: 78–79]. В качестве осторожной гипотезы В.Томсен приводит еще несколько примеров, высказывая при этом опасение, что их могут считать более или менее фантастическими: ↑ /är/ «человек»; Y /äl/ «рука»; (27) ⚡ /at/ «конь»; (21) ⚡ /än/ — глагольная основа äp- «сходить, спускаться»; (9) ⚡ /ag/ «сеть, сачок

для рыбной ловли»; \blacktriangle /äsik/ «дверь, вход в юрту» [Thomsen, 1922: 79].

Позже Е.Д.Поливанов, повторив идею об «идеографическом» происхождении знаков \mathbb{D} и \downarrow , указал на важный отличительный признак «идеограмм» — способность функционировать «в изоляции, без гласной буквы» для обозначения соответствующего слова: *aj* «луна», *ok* «стрела». Он обратил внимание и на другой путь возникновения тюркских рунических знаков — обозначение словом-знаком начальной фонемы того же слова: палка, символизирующая копье (по-тюркски *sünü*), как знак для палатализованного аллофона фонемы /s/ [Поливанов, 1925: 177–181]. Заметим, что речь идет о хорошо известном в грамматологии так называемом акрофоническом приеме, который использовался, например, при создании древнесемитского алфавита. В случае со знаком, о котором идет речь, следует полагать, что в изначальном силлабарии он в соответствии с контекстом и условиями системы репрезентировал переднерядный слог /äs/. Естественно думать, что и другие знаки ДТРП могли возникнуть акрофоническим путем: например, знак \mathcal{C} для заднерядного слога /as/ мог некогда быть изображением волос, что по-тюркски — *saç*.

По словам И.Гельба, «подобно тому, как речь развилась из подражания звуку, письмо развилось из подражания форме реальных вещей или живых существ. В основе всякого письма лежит рисунок. Об этом с полной очевидностью свидетельствует не только пиктографический характер всех современных примитивных письменностей, но и тот факт, что все великие системы Древнего Востока, такие как шумерская, египетская, хеттская, китайская и др., первоначально представляли собой чисто рисуночное письмо» [Gelb, 1974: 27]. Говоря о рисуночных знаках в составе древнетюркского рунического силлабария, необходимо указать на критерии, с опорой на которые исследователь вправе предположить рисуночную природу того или иного знака. Таковыми, как следует из накопленного грамматологией опыта, являются:

1) изобразительная, хотя и весьма схематизированная, символическая, репрезентация предмета или действия; 2) непосредственное логографическое употребление в тексте знака с опорой на его изобразительные свойства для репрезентации изображаемых предметов и, возможно, соответствующих слов; 3) «жесткая привязка» определенной гласной фонемы к согласной в составе репрезентируемой знаком цепочки фонем «гласная + согласная» или (вследствие переворачивания слога) «согласная + гласная»; 4) полученный в результате дешифровки надписей фонемный состав означаемого (экспонента) лексемы, недву-

смысленно сигнализирующий о том, какой именно предмет (или действие) изображается руническим знаком.

В древнетюркских рунических текстах с большой долей достоверности удается обнаружить не менее шести знаков-рисунков (пиктограмм), способных функционировать с опорой на свои изобразительные свойства. Ниже в интересах наглядности предполагаемые рисуночные знаки включены в контекст приводимых примеров. Рядом в круглых скобках приводится фонемный облик соответствующей словоформы и при необходимости ее членение (с помощью знака +) на основную и словоизменительную часть. В русских переводах те же тюркские пиктограммы приводятся в соответствующих местах, что призвано подчеркнуть продуктивность *положения, согласно которому изначально семасиографические средства функционируют вне какой-либо связи с языковыми* и, следовательно, могут быть включены в текст на любом языке:

1) ☞ at ‘конь’

...äkinti Yšbara jamtar boz ☞-yg (at + yg) binip tägdi; ol ☞ (at) anta ölti; üçinç Jägin Silig bägin kädimlig toryg ☞ (at) binip tägdi. Ol ☞ (at) anta ölti (КТб 33) «Во второй раз он сел верхом на белого ☞-я (коня), (принадлежащего) Ышбара Ямтару; этот ☞ (конь) там пал; в третий раз он сел на оседланного гнедого ☞-я (коня) Йегин Силиг бега и произвел атаку; этот ☞ (конь) там пал»;

Bu türk budunka jaryklig jagyg kältürmädim, tögünlig ☞-yg (at + yg) jügürtmädim (Тон 54) «На этот тюркский народ я не направлял вооруженных врагов, не приводил снаряженных ☞-ей (коней)»;

Однако этот же знак употребляется для представления слова ат ‘имя’ («ребусный прием»):

:#9#h:)#»J»J»D: N#»# ☞ (КТб 25) aty küsi jok bolmazun tejin «для того, чтобы не исчезло имя и слава (тюркского народа)».

2) D aj ‘месяц’

Этот знак, изображающий небесное светило — месяц, в текстах используется только для представления омонима, т.е. календарного отрезка времени, что также иллюстрирует ребус, т.е. фонетический перенос *звучания слова*:

jetinç D (aj) (K III) «седьмой D (месяц)»;

besinç D (aj) (KT) «пятый D (месяц)»;

tokuzunç D (aj) (КТб) «девятый D (месяц)».

3) Я äb ‘юрта, дом’

Kül tegin Я-ig (äb + ig) başlaju ky[d]tymuz (КТб 48) «мы отпустили Кюль-тегина, чтобы он начальствовал Я-а (дома)»;

ol sabyg äsidip kaganım bän ǰ-gärü (äb + gärü) tūsäjin tedi (Тон 30) «услышав эти слова, мой каган сказал: „Я отправлюсь ǰ-ой (домой)“»; ǰ-in (äb + in) barkyn jylyksin julmadym (Моюн-чор 14) «их ǰ + а (дома) и табуны я не захватывал»;

äkin sü ǰ-dä (äb + dä) ärti (МЧ 32; БК 32) «второе войско было ǰ-а (дома)».

Звуковой сегмент äb употреблен изобретателем письма, пользовавшимся ребусным приемом, как целиком в начертании словоформы 𐰽𐰺𐰸 (Тон 26, 28) äbirü ‘обходя’, так и в качестве фонемогаммы (т.е. буквы), как в изображении местоимения 𐰽𐰺 bän «я».

4) 𐰽 är ‘воин, мужчина’

kaŋum kagan jети jегirmi 𐰽-in (är + in) taşykmiş (КТб 11) «мой отец-каган выступил с семнадцатью 𐰽-ами (воинами)»;

Ulug İrkin azkyña 𐰽-in (är + in) täzip bardy (КТб 34) «великий Иркин бежал с немногими только 𐰽-ами (воинами)».

Звуковой облик этого слова приспособлен для представления звукового сегмента /är/ ряда слов и показателей: 𐰽𐰺𐰽 (КЧ 12) ärdäm ‘доблесть’, 𐰽𐰽 (О 3) ärän ‘мужчина, воин’, 𐰽𐰽 (широко используемая глагольная словоформа ärti «(он) был») и т.п.

5) ↓ ok ‘стрела’

jarykynta jalmasynta жүз artuk ↓-un (ok + un) urty (КТб 33) «в его кольчугу и в его накидку попали более, чем ста ↓-ами (стрелами)»;

bir ärig ↓-un (ok + un) urty (КТб 36) «одного воина он поразил ↓-ой (стрелой)».

Наряду с этим знак ↓ успешно представляет звуковые сегменты ok/uk в целом ряде употребительных слов: ↓D jok ‘нет, не имеется’, ↓𐰽𐰽 (Тон 38) uduk ‘священный’.

6) 𐰽 у ‘дерево, растение, лес’

atyg 𐰽-ka (y + ka) bajur ärtimiz (Тон 27) «Лошадей мы привязали к 𐰽-ям (деревьям)»;

𐰽 (y) bar baş (Тон 26) «вершина с 𐰽-ями (растениями)»;

𐰽-da (y + da) kabyşalym temiş (МЧ 22–23) «„Давайте соединимся в 𐰽-у (лесу)!“ — сказал он».

Вследствие звукового переноса (применения ребусного приема) экспонент этого слова, звуковой сегмент /y/, может функционировать и как слог, и как реализация гласных фонем /y/, /i/: ↓𐰽𐰽 (Тон 38) uduk ‘священный’, 𐰽𐰽𐰽 (Тон 39) äkinti ‘второй’, 𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽 (Тон 1) bilgä Tonjukuk bän özüm Tabgaç ilinjä kylyntym «Я сам, мудрый Тоньюкук, был воспитан в стране Табгач».

Знаки: ↓ /ok, uk, ko, ku/; ◀ /yk, ky/ «веретено» (№ 7); 𐰃 /ök, ük, kö, kü/, 𐰄 /iç/ «пить» (№ 8) — отличаются «жесткой привязкой» определенной гласной фонемы к согласной в составе репрезентируемой знаком цепочки фонем «гласная + согласная» или (в результате переворачивания слога) «согласная + гласная». Это означает, что с другими вокалическими знаками они, как правило, не употребляются. Поскольку в силу релевантности критериев № 1 и № 4 рисуночный характер двух из них — ◀ и 𐰄 — весьма вероятен, а в случае со знаком ↓ наиболее бесспорен, есть основание полагать, что и четвертый знак — 𐰃 (ök/ük) тоже мог быть (бывшей или действующей) пиктограммой (№ 9). Здесь уместно привести замечание В.Томсена в переводе П.М.Мелиоранского: «В случаях вроде ↓𐰃Ч артук, *более*, ◀𐰃Д балык, *город*, гласный звук второго слога указывается конечной согласной буквой» [Мелиоранский, 1899: 17]. Нетрудно заметить, что приведенное утверждение вполне согласуется с восприятием знаков ↓ и ◀ как слоговых.

Знак 𐰅 (ant), который имеет также аллограф в виде круга с одной точкой внутри [Васильев, 1983: 145, табл. 33], мог быть пиктограммой № 10 — символом «клятвы; клятвенного обещания» [Юдахин, 1965: 57]. Как сообщает Н.И.Ильминский о соответствующем обычае у казахов, «в старину киргизы присягали на могиле какого-нибудь святого, обходя три раза около могилы и приговаривая, пусть погребенный там человек убьет его, если он лжет или виновен» [Ильминский, 1897: 69; Баллюзек, 1871: 173].

С меньшей уверенностью допускается рисуночная природа еще восьми знаков на основании полученного в результате дешифровки надписей фонемного состава лексемных экспонентов, сигнализирующего о том, какой именно предмет (или действие), возможно, схематически изображается руническим знаком: 𐰆 ag «сеть» (№ 11), 𐰇 art «горный перевал» (№ 12), 𐰈 as < saç «волосы» (№ 13), 𐰉 läs < süñü «копье» (№ 14), 𐰊 äl ~ älig «рука» (№ 15), 𐰋 än «спуск» (№ 16), 𐰌 äš < äşik «дверь, порог» (№ 17), 𐰍 am/äm «vulva» (?) (№ 18).

В свете сказанного в настоящем пункте можно утверждать, что приведение всего лишь двух примеров, содержащих только знаки пиктографического происхождения (↓D jok «нет, не имеется» и ↓𐰃 tok «сытый»), достаточно, чтобы убедиться в автохтонности ДТРП.

Обнаружение в ДТРП графем пиктографического происхождения порождает проблему, которая до сих пор не привлекала чьего-либо внимания: если, опираясь на таблицу Д.Н.Соколова, в которой приведены орхонские, енисейские знаки ДТРП и башкирские тамги, и на прикладные задачи, которые кочевые племена решали посредством

этих родовых знаков и знаков собственности, исходить из предположения, что изначально тамги не были, пользуясь терминологией И.Гельба, «описательно-изобразительными» и «не имели повествовательного характера» (И.М.Дьяконов) [Дьяконов, 1963: 7], а выполняли «идентифицирующе-мнемоническую» функцию, то логично задаться вопросом, как многие из них приобрели изобразительный характер? Конечно, можно умозрительно допустить, что изобретатель ДТРП был настолько хитроумен, что в целях создания письменной системы увидел в них схематическое изображение соответствующих предметов и наделил их соответствующими звуковыми означаемыми, но можно предположить и то, что не все знаки были только мнемоническими, что имелись тамги изобразительного характера, т.е. были пиктограммами.

4. Как уже было отмечено, в текстах наблюдаются случаи явного применения *ребусного написания*, т.е. использования звукового облика слова для начертания омонимов, близких по звучанию слов или слогов (например, употребление знака 𐰇 at 'конь' для представления слова at 'имя' или знака 𐰃 aj 'месяц' (небесное светило) для передачи омонима, означающего календарный отрезок времени). Ребусные написания представляют собой *главный способ фонетизации письма*, т.е. приобретение логограммами фонетических означаемых, независимых от значений, которые они имеют в качестве знаков конкретных лексем [Gelb, 1974: 103]. А это позволяет думать, что в сфере логографического использования знаков следует различать, с одной стороны, наиболее примитивную *изобразительную логографию* (начертания типа $\text{𐰇𐰇} \text{äbdä}$ «в доме, в юрте», где знак 𐰇 непосредственно изображает юрту), на основе которой происходил процесс фонетизации путем использования звукового экспонента лексемы (звукового облика слова) для начертания других омонимичных или близких по звучанию слов или только отдельных звуковых сегментов других слов, а с другой — *фонографическую логографию*, т.е. употребление знака для начертания слова с использованием «чужого» знака, означаемым которого стал некий звуковой сегмент, утративший связь с какой-либо семантикой. Иными словами, в письме происходил один из типичных для эволюции автохтонных систем процессов — «перемещение значения знака из оптической сферы в акустическую» [Jensen, 1958: 45].

5. Употребление ряда других приемов для достижения адекватной передачи фонетического означаемого: а) преодоление исконного гласного слога посредством вокалической (т.е. представляющей слог, состоящий из одной гласной) силлабограммы по схеме: $o + al > ol$, б) переворачивание слога: $ok > ko$ или ku (в подобных случаях с использованием принципа экономии), в) присоединение вокалического

знака к концу слова для передачи гласного в ауслaute: $alt + y/i > alty$ «шесть», г) в соответствии с принципом экономии передача отдельной фонемы посредством слогового знака: $aj + ok > jok$ «нет, не имеется», д) игнорирование вокалических различий между фонетическим означаемым употребленной силлабограммы и передаваемым звуковым сегментом: $ab + o/u + ad + an > bodun$ «народ».

6. Самой броской особенностью ДТРП является, пожалуй, наличие 25 знаков, функционирование которых было жестко обусловлено заднерядностью или переднерядностью гласных слова, словоформы или форманта. Одиннадцать пар знаков для, как предполагалось, согласных фонем отчетливо отражают действие небной гармонии гласных в языке памятников, поскольку одни знаки функционируют в начертаниях исключительно заднерядных, другие — переднерядных слов, словоформ и аффиксов. Е.Д.Поливанов назвал это явление «консонантным дуализмом» [Поливанов, 1925: 179].

Заднерядные графемы:

∪ (b), ♣ (γ) [Малов, 1951: 17]¹, ⌘ (d), ∅ (j), ∩ (q), √ (l), ∩ (n), Ч (r), Ч (s), ⚡ ~ ⚡ (t), + ∩ (q), M (lt).

Переднерядные графемы:

⊗ (b), ⅈ (g), × (d), ∩ (j), ∩ (k), ∩ (k), ∩ (l), ∩ (n), ∩ (r), ∩ (s), ∩ (t), + ∩ (č).

Описанная особенность ДТРП позволяет признать, что в количественном отношении такой полнотой знаковой экспликации функционирования небной гармонии гласных, как в ДТРП, не обладала ни одна из письменностей, которыми когда-либо пользовались турки. При этом письменность современного турецкого языка (созданная, подчеркнем, самими носителями языка) отражает действие гармонии гласных посредством только вокалических букв, никак не привлекая для этого консонантические.

Именно «консонантный дуализм» стал одним из факторов, которые убедили Е.Д.Поливанова в том, что древнетюркское письмо было создано тюрками: «Помимо „этимологий букв“ за это решающим образом говорит положенный в основу алфавита сингармонистический принцип» [Поливанов, 1925: 179].

Если придерживаться точки зрения, что ДТРП представляло собой алфавитную систему, то с фонологической точки зрения «консонантный дуализм» представляет весьма противоречивое явление.

Во-первых, общеизвестно, что лингвальными дифференциальными признаками в тюркских языках обладают *гласные*. По словам Н.С.Трубецкого, «противоположения по тембровому признаку у гласных яв-

¹ В скобках латинскими буквами приводятся фонетические «значения» графем по С.Е.Малову (за исключением цифр, обозначающих «рядность» знака).

ляются фонематическими, тогда как палатализованные и веляризованные разновидности согласных являются лишь комбинаторными вариантами...» [Трубецкой, 1960: 312, примеч. 3]. В частности, гласная начального слога обуславливает задне- или переднерядность гласных последующих слогов слов и словоформ. Следовательно, каждый согласный в составе речевой единицы представляет собой веляризованный или палатализованный аллофон, т.е. вариант согласной фонемы. Согласно фонологическому положению, впервые сформулированному Н.С.Трубецким, носитель языка нормально стремится к отражению на письме только фонем, а варианты фонем как единицы субфонемного уровня, как правило, не представлены в языковой системе индивида. Изложенная трактовка вопроса находится в полном соответствии со сформулированным еще И.А.Бодуэном де Куртенэ пониманием фонемы как «фонетического представления» [Бодуэн де Куртенэ, 1963: 352], т.е. звукового представления, абстракции, формирующейся в индивидуальной языковой системе носителя языка путем отвлечения от какого-либо конкретного множества функционирующих в речи родственных и функционально эквивалентных минимальных звуковых сегментов (фонов). И если изобретатели письма были тюрками, то для экспликации небной гармонии гласных они и должны были опираться на дифференциальные признаки гласных фонем родного языка.

Однако в надписях наблюдается типичная консонантная гиперграфия (отражение на письме единиц субфонемного уровня, т.е. аллофонов согласных) [Shorto, 1965: 88–97], имеющая следствием громоздкую аллографию (использование множества знаков для репрезентации одной фонемы). И эта аллография имеет место вопреки тому, что для согласных фонем признаки веляризованности // палатализованности не могли быть фонологически существенными.

Во-вторых, если допустить, что письмо изобреталось *нетюрками* (поскольку только иноязычный человек был способен воспринимать веляризованные и палатализованные аллофоны согласных как самостоятельные фонемы и соответственно передавать их отдельными знаками), то вызывает недоумение наличие пары графем для веляризованной и палатализованной реализации фонемы /j/, которая, по авторитетному мнению Н.С.Трубецкого, вообще не имеет веляризованных и палатализованных «разновидностей» [Трубецкой, 1960: 312, примеч. 3].

Выход из изложенных противоречий оправдано видеть в том, что изначально эта графическая особенность ДТРП, по всей вероятности, представляла собой функционирование следующих слов или слогов:

ab, äb «юрта, дом»;

ad, äd;

ag, äg;
 aj «месяц», äj;
 ak, äk;
 ok «стрела», ök ~ ük;
 al, äl «рука» (?);
 an, än;
 ar, är «мужчина, воин»;
 as, äs;
 at «конь», ät;
 uk «веретено»;
 ič «пить»;
 alt.

Таким образом, понятие «консонантный дуализм» могло возникнуть как следствие алфавитного восприятия ДТРП. Оно применимо только лишь к последней фазе формирования тюркской руники, к этапу её алфавитизации. В своем первоначальном состоянии оно должно трактоваться как еще одно подтверждение словесно-слогового характера ДТРП.

7. Трактовка тюркских знаков, составляющих консонантный дуализм, не как букв (фонемогамм), а как слоговых знаков делает маловероятным предположение В.В.Иванова о том, что тохарская письменность в Центральной Азии (брахми) повлияла на создание согласных пар в ДТРП [Иванов, 1992: 29].

8. С трактовкой рунического письма как словесно-слогового вполне согласуется наличие в нем вокалических знаков, а также их количество (4 + 1), поскольку гласные звуки, как известно, сами по себе являются слогообразующими элементами. Кроме того, их качество (a/ä, o/u, ö/ü, y/i, /ä/, /e/) свидетельствует о том, что они в некоторой мере отражали лингвальные признаки передаваемых ими гласных звуков и слогов.

9. Что касается гипотезы о семитском происхождении ДТРП, то против нее свидетельствуют следующие факты:

• 1) Наличие знаков, рисуночного происхождения, часть которых употреблена в текстах как изобразительные логограммы и не может признаваться заимствованной.

2) Структурное несоответствие слогов, являвшихся означаемыми в семитских и орхоно-енисейских силлабариях: если означаемые слоги семитских силлабариев относились к типу (СГ) «определенная согласная» + «любая гласная», то ДТРП имела силлабарий с преобладающей структурой слогов типа ГС, которая должна пониматься как «определенная гласная» + «определенная согласная» [Дьяконов, 1979: 14].

3) Полное отсутствие омографии консонантических и вокалических графем, которые передавали бы артикуляторно родственные согласные и гласные фонемы (ср. семит. ע и א).

4) Наличие в орхоно-енисейской письменности в общей сложности пяти (а не трёх) вокалических знаков. В.Томсену удалось установить в первую очередь четыре орхонских графемы: (сначала) ᠶ (/o/ ~ /u/), ᠰ (/y/ ~ /i/), ᠰ (/ö/ ~ /ü/), (позже) — ᠰ (/a/ ~ /ä/). Кроме того, енисейский вариант руники, который, как теперь признается, несколько не старше орхонского, использовал еще два вокалических знака — ᠶ или ᠶ для /ä/ и один ᠶ для /e/. Эти графемы, во-первых, вполне могли быть синлабограммами (или логограммами), представлявшими слоги (или слова), каждый из которых состоял из одной гласной, во-вторых, в некоторой степени отражали задне- и переднерядность гласных, на которые опирается нёбная гармония гласных, в-третьих, наличие среди них гласных /ö/, /ü/ и узкого /e/ никак не согласуется с семитским вокализмом.

5) Неубедительность предлагаемого В.А.Лившицем сближения внешних форм знаков согдийской и орхоно-енисейской письменностей [Лившиц, 1978: 84–98].

Все это свидетельствует о том, что древнетюркское письмо едва ли могло быть заимствованным и преобразованным согдийским письмом.

10. В пользу автохтонности ДТРП свидетельствуют и способы передачи на письме якобы согласной фонемы /k/. О.Прицак и А.Рона-Таш придерживаются точки зрения, согласно которой эта согласная передавалась в надписях пятью знаками (ᠰ , ᠰ , ᠰ , ᠰ ~ ᠰ и ᠰ), и столь большой набор синонимичных знаков в руническом репертуаре графем следует, по их мнению, объяснять повышенной частотностью употребления фонемы /k/ в тюркской речи [Pritsak, 1980: 91; Rona-Tas, 1987: 12]. Однако такое объяснение, которое исходит из убеждения, что тюркская руника представляет собой алфавитное письмо, едва ли опирается на какое-либо теоретическое основание. Теории письма неизвестно положение о закономерной зависимости между частотностью употребления фонемы в речи и количеством графем, которые передают ее на письме.

Более убедительным представляется объяснение, которое дает аналогичному явлению в этрусском письме И.М.Дьяконов: «Особенно показательно при этом наличие тройки c , k , q ; назывались эти буквы соответственно „ке“, „ка“, „ку“ и различались в зависимости от того, какой гласный следовал за ними в тексте — е, а, или и соответственно. Понятно, о чем может свидетельствовать это обстоятельство: о наличии древнего слогового письма, в котором c значило „ке“, k значило „ка“, а q значило „ку“, так что не было необходимости писать еще

и гласный: данный знак сам по себе передавал следование „согласный + гласный“» [Дьяконов, 1979: 13].

В свете сказанного нетрудно понять, что обсуждаемые знаки изначально передавали не согласную /k/, а были словесными и слоговыми знаками и представляли следующие (уже знакомые читателю) звуковые сегменты: /ak/, /äk/, /ok/, /ök ~ ük/, /yk/. Тем более что, как было показано в пункте 3, знаки ↓ «стрела» и Ч «веретено» были пиктограммами, и в их функциональных особенностях в текстах еще проявлялась связь с их семасиографическим рисуночным состоянием.

11. Использование так называемых лигатур Ψ , М, З, Φ , т.е. графем для консонантных кластеров (сочетаний согласных), существование которых чаще всего объясняли как результат сращения двух знаков [Pritsak, 1980: 87; Rona-Tas, 1987: 10, 12; Tuna, 1990: 1–15], в чем нельзя не видеть проявление предвзято алфавитного (буквенного) подхода к изучаемому письму, также скорее всего находится в полном соответствии со словесно-слоговым устройством древнетюркского письма.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что первым компонентом каждого из общепризнанных или предполагаемых сочетаний согласных, представляемых якобы «глобальными знаками», является сонант — /nt/, /lt/, /nč/, /rt/ (?). Если принять во внимание, что среди перечисленных выше типов тюркских слогов имеется модель со структурой ГСС и что первым в составе тюркского консонантного кластера может быть только спирант или сонант, то оказывается вполне допустимым, что «лигатуры» никогда, собственно, и не были лигатурами, т.е. соединениями двух знаков, а являются не чем иным, как бывшими силлабограммами или логограммами, передававшими соответственно фонемные цепочки: /ant/ «клятва» (Ψ), /alt/ (М), /anč/ (З), art «горный перевал» (?) (Φ).

12. Имеется и внешний источник, свидетельствующий, по меньшей мере, о силлабическом устройстве ДТРП. Это — найденный в 1905 г. в Тойоке (в Турфане) и изданный А.Лекоком рукописный фрагмент, в котором знаками манихейского письма передается фонетическое значение 19 древнетюркских рунических знаков, значения типа: /ad/, /as/, /iq/ и т.д. [Le Coq, 1909: 1050]. Этот источник упоминается и различно истолковывается А.Рона-Ташем [Rona-Tas, 1987: 8–9], О.Прицаком [Pritsak, 1980: 85], Талатом Текином и Османом Фикри Серткайа (см. [Sertkaya, 1990: 13–14]). Однако авторы далеки от мысли об автохтонном происхождении ДТРП.

Подоюживая все сказанное в данной работе, можно сделать краткие выводы. Следует согласиться с теми исследователями, которые предполагают изобретение тюркской руники в VI или VII в. (Дж.Клосон,

Л.Базен), с той, однако, существенной оговоркой, что под термином «изобретение» здесь подразумевается приспособление уже существовавших разновидностей рунических знаков, сущностью которого была систематизация, унификация репертуара знаков и, возможно, придание использовавшимся ранее знакам необходимого фонетического означаемого. Этим объясняется удивительное единообразие орхон-енисейской руники, мало нарушаемое локальными вариантами некоторых знаков.

Внешняя форма знаков, с одной стороны, мало отличается от формы знаков северноевропейских рун, что еще сам В.Томсен объяснял сходством материала (дерево или камень) и средствами письма (каменный или металлический резец), а с другой стороны, каждый тюркский рунический знак имеет своего близнеца среди тюркских тамг, т.е. национального рисуночного фонда тюрков.

Эволюция, которую проделала система тюркского рунического письма за период времени, предшествующий созданию дошедших до нас ранних письменных памятников, заключалась в формировании ее причудливой, хотя и находящейся в полном соответствии с законами естественного развития письменностей внутренней формы — амальгамы, в которой сохранены все предшествующие этапы:

1. *Внутренняя форма* древнетюркской рунической письменности — причудливая смесь письменных средств (приемов), как восходящих к предписьменной знаковой системе, так и представляющих все эволюционные этапы автохтонного, оригинального развития *системы*. Как было показано, значительная часть знаков, представляющих семасиографические, рисуночные этапы эволюции древнетюркской руники, сохраняет способность функционировать в качестве пиктограмм-логограмм.

2. По-видимому, все знаки (в первую очередь, разумеется, «вокалические») способны выступать как силлабограммы. При этом означаемые ими слоги имеют не только преобладающую и потому, предположительно, исконную структуру — ГС(С), но и структуру СГ, что достигается посредством приема перевертывания слога (äb/bä, ok/ko, yk/ky, äd/dä и т.п.).

3. Почти все знаки приобрели способность репрезентировать фонемы (хотя большинство консонантных знаков способно передавать лишь веларизованные или палатализованные *аллофоны* согласных фонем) и в этом смысле функционировать как фонемограммы (как было показано, лигатуры изначально скорее всего были знаками для слов или слогов).

Описанное состояние лого-силлабо-фонемографического (словесно-слогово-буквенного) рунического письма древних тюрков свидетельст-

вует о том, что оно относится к тому типу автохтонных письменных систем, которые создаются «подражательно» (И.Фридрих) и ускоренно развиваются на базе имеющегося национального рисуночного фонда (каковой вполне могли составлять тамги) в условиях жесткого стимулирующего прессинга со стороны соседних письменных систем. В данном случае таковыми были словесно-слоговая (китайская) и алфавитная согдийская письменности, которые тюрки хорошо знали и которыми пользовались.

Особенности ДТРП подтверждают, что оно шло естественным эволюционным путем, свойственным всем автохтонным письменным системам, включающим предписьменное состояние (содержащее рисуночные знаки с ограниченными функциями, резы, тамги), словесные, слоговые и буквенные этапы, и в начале VIII в. находилось в процессе алфавитизации.

Вопреки сложившейся в работах по тюркской рунологии традиции приводить знаки ДТРП в виде *алфавита*, следует приводить рунические графемы в виде *силлабария* и сообщать не только о фонетическом значении знака, но и о его первичном словесном или слоговом означаемом. В таком случае репертуар знаков предстает в следующем виде:

Древнетюркский рунический силлабарий

‡ /a/, /ä/ (слог и фонема)

∩ /ab/ (слог), /b/ (фонема)

⌘ ~ ⌘ изображение юрты, äb (слово), /äb/ (слог), /b/ (фонема)

⌘ /aγ/ (слог), /γ/ (фонема)

€ /äg/, /g/

⌘ /ad/, /d/

× /äd/, /d/

⌘ /az/, /äz/, /z/

‡ изображение растения или дерева (?), i (слово (?)), /i/, /i/ (слог и фонема)

D изображение луны, aj (слово), /aj/, /j/

9 /äj/, /j/

⌘ /aq/, /q/

‡ /äk/, /k/

∩ изображение веретена (?), ič (слово (?)), /ič/, /q/

↓ изображение стрелы, oq (слово), /oq/, /q/

- В ~ 𐰃 /ök/, /ük/, /k/
 J /a/, /l/
 Y /äl/, /l/
 M /alt/, /lt/
 ✎ /am/, /äm/, /m/
 Ɔ /an/, /n/
 𐰆 /än/, /n/
 𐰇 /aŋ/, /äŋ/, /ŋ/
 ☉ символ клятвы, /ant/ (слово), /nt/
 𐰈 /anč/, /änč/, /nč/
 > /o/, /u/ (слог и фонема)
 𐰉 /ö/, /ü/ (слог и фонема)
 1 /ap/, /äp/, /p/
 Ч /ar/, /r/
 𐰊 изображение человека, äg (слово), /är/, /r/
 𐰋 /as/, /aš/, /s/, /š/
 l /äs/, /äš/, /s/, /š/
 𐰌 /äs/, /äš/, /s/, /š/
 𐰍 𐰎 изображение лошади, at, /at/, /t/
 h /ät/, /t/
 𐰏 /ač/, /äč/, /č/
 Y символ действия «пить» (?), /ič/, /č/(?)
 𐰐 /art/, /rt/ (?)

- Аврутина, 2005 — *Аврутина А.С.* Опыт реконструкции фонологии языка древнетюркских рунических памятников. Автореф. канд. дис. Л., 2005.
 Аманжолов, 1978 — *Аманжолов А.С.* К генезису тюркских рун // Вопросы языкознания. 1978, № 2.
 Аманжолов, 2003 — *Аманжолов А.С.* История и теория древнетюркского письма. Алматы, 2003.
 Баллюзек, 1871 — Материалы Л.Ф.Баллюзека, 1871 г., Тургайская область. Хождение присягающего вокруг могилы // Материалы по казахскому обычному праву. Ч. 1. А.-А., 1948.
 Бодуэн де Куртене, 1963 — *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.
 Васильев, 1983 — *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (опыт систематизации). М., 1983.
 Гельб, 1979 — *Гельб И.* Опыт изучения письма (основы грамматики) / Пер. с англ. М., 1979.
 Гельб, 2004 — *Гельб И.Е.* Опыт изучения письма. Основы грамматики. М., 2004.

- Гузев, 1994 — *Гузев В.Г.* К вопросу о слоговом характере тюркского рунического письма // Вопросы языкознания. 1994, № 5.
- Гузев, 1999 — *Гузев В.Г.* Некоторые итоги опыта разработки гипотезы об автохтонном происхождении тюркской руники // Вопросы тюркской филологии: Материалы Дмитриевских чтений к 100-летию со дня рождения. Вып. IV. М., 1999.
- Гузев, 2000 — *Гузев В.Г.* К вопросу об увлечении внешней формой письма в тюркской рунологии // Вопросы востоковедения. Кононовские чтения XII. Сборник статей. СПб., 2000.
- Гузев, 2004 — *Гузев В.Г.* Основные положения концепции автохтонного происхождения тюркской руники // Востоковедение / Отв. ред. В.Г.Гузев. Вып. 24. СПб., 2004.
- Гузев, 2007 — *Гузев В.Г.* Опыт обоснования наличия рисуночных знаков в древнетюркской рунической письменности // Россия и тюркский мир. II Международная конференция «Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы». Санкт-Петербург, 5–7 апреля 2006 г. Доклады и материалы. СПб., 2007.
- Гузев–Кляшторный, 1993 — *Гузев В.Г., Кляшторный С.Г.* Проблема происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма (к столетию дешифровки) // Вестн. СПб. ун-та. Сер. 2. 1993. Вып. 4; то же // *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Дьяконов, 1963 — *Дьяконов И.М.* О письменности // *Дирингер Д.* Алфавит. М., 1963.
- Дьяконов, 1979 — *Дьяконов И.М.* Предисловие // Гельб, 1979.
- Иванов, 1992 — *Иванов В.В.* Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.
- Ильминский, 1897 — Из материалов Н.И.Ильминского. Оренбург, 1897.
- Клосон, 1986 — *Клосон Дж.* Происхождение тюркского «рунического» письма // Зарубежная тюркология. Вып. I. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.
- Кляшторный, 1964 — *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный, 1987 — *Кляшторный С.Г.* Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // Советская тюркология. 1987, № 3. Баку.
- Кляшторный, 2003 — *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Кляшторный–Лившиц, 1978 — *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
- Кононов, 1980 — *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.
- Кононов, 1989 — *Кононов А.Н.* Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд. М., 1989.
- Кормушин, 2004 — *Кормушин И.В.* Древние тюркские языки. Учебное пособие. Абакан, 2004.
- Лившиц, 1978 — *Лившиц В.А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности // Советская тюркология. 1978. № 4. Баку.

- Лившиц–Хромов, 1981 — *Лившиц В.А., Хромов А.Л.* Согдийский язык // Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. М., 1981.
- Малов, 1951 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.–Л., 1951.
- Мелиоранский, 1899 — *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль Тегина. С двумя таблицами надписей. СПб., 1899.
- Поливанов, 1925 — *Поливанов Е.Д.* Идеографический мотив в формации орхонского алфавита // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. № 9. Ташкент, 1925.
- Соколов, 1904 — *Соколов Д.М.* О башкирских тамгах // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIII. Т. XIII. Оренбург, 1904.
- Сулейменов, 1978 — *Сулейменов О.* Грамматика буквы (к истории древнетюркского алфавита) // Известия АН Казахской ССР. Серия филологических наук. А.-А., 1978, № 2.
- Томсен, 1884 — *Томсен В.* Дешифровка орхонских и енисейских надписей (перевод В.Розена) // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. VIII. СПб., 1884.
- Трубецкой, 1960 — *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Фридрих, 1979 — *Фридрих И.* История письма. М., 1979.
- Щербак, 2001 — *Щербак А.М.* Тюркская руника: происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. СПб., 2001.
- Юдахин, 1965 — *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965.
- Bazin, 1975 — *Bazin L.* Turcs et Sogdiens: les enseignements de l'inscription de Bugut (Mongolie) // Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste. P., 1975.
- Friedrich, 1966 — *Friedrich J.* Geschichte der Schrift unter besonderer Berücksichtigung ihrer geistigen Entwicklung. Heidelberg, 1966.
- Gelb, 1974 — *Gelb I.J.* A Study of Writing. Revised Edition. Chicago–London, 1974.
- Guzev, 1998 — *Guzev V.G.* Zur Interpretation des "konsonantischen Dualismus" der alttürkischen Runenschrift // Turkologie heute — Tradition und Perspektive. Materialien der dritten Turkologen-Konferenz. Leipzig, 4–7. Oktober 1994. Herausgegeben von Nurettin Demir und Erika Taube. Wiesbaden, 1998.
- Guzev, 1999 — *Guzev V.G.* Göktürk Yazısının Otokton Menşei Varsayımını Geliştirme Denemesinin Bazı Sonuçları // 3. Uluslar Arası Türk Dil Kurultayı. 1996. Ankara, 1999.
- Guzev–Kljaštornyj, 1995a — *Guzev Viktor G., Kljaštornyj Sergey G.* Genel Yazı Nazarıyesi Işığında Göktürk Yazısının Menşei Meselesi (Okunuşunun 100. Yıldönümü dolayısıyla) // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten. 1993. Ankara, 1995.
- Guzev–Kljaštornyj, 1995b — *Guzev V.G., Kljaštornyj S.G.* The Turkic Runic Script: Is the Hypothesis of Its Indigenous Origin No More Viable? // Rocznik Orientalistyczny. T. XLIX. Zeszyt 2. Warszawa, 1995.
- Jensen, 1958 — *Jensen H.* Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. 2. neubearbeitete und erweiterte Auflage. B., 1958.
- Johanson, 1994 — *Johanson L.* Graphie und Phonologie im Türkischen: Probleme der Lautharmonie // *Werner O.* (Hrsg.). Probleme der Graphie. Tübingen, 1994.
- Kljaštornyj–Livshic, 1972 — *Kljaštornyj S., Livshic V.* The Sogdian Inscription of Bugut Revised // АОН, Т. 26. Pt 1. 1972.

- Le Coq, 1909 — *Le Coq A.*, von. Köktürkisches aus Turfan. Manuskript-Fragmente in köktürkischen «Runen» aus Toyoq und Idiquit-Schähri (Oase von Turfan) // SPAW. 1909, XI.
- Liu Mau-tsaï, 1958 — *Liu Mau-tsaï*. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Osttürken. B. I. Wiesbaden, 1958.
- Pritsak, 1980 — *Pritsak O.* Turkology and the Comparative Study of Altaic Languages // Journal of Turkish Studies. Vol. 4. Harvard University, 1980.
- Rona-Tas, 1987 — *Róna-Tas A.* On the Development and Origin of the East Turkic “Runic” Script // AOH. T. 41. Pt. 1. 1987.
- Sampson, 1998 — *Sampson G.* Writing Systems. A Linguistic Introduction. Stanford, California, 1998.
- Sertkaya, 1990 — *Sertkaya O.F.* Kağıda Yazılı Göktürk Metinleri // III Sovyet-Türk Kollokyumu. Göktürk Anıtları. İstanbul (Dil, edebiyat, sanat, arkeoloji, tarih, kültür), 8–15 Haziran 1990, Alma-Ata, Kazakistan SSR. İstanbul, 1990.
- Shorto, 1965 — *Shorto H.L.* The Interpretation of Archaic Writing Systems // Lingua, 14, 1965.
- Sinor, 1963 — *Sinor D.* Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale. Wiesbaden, 1963.
- Ščerbak, 1996 — *Ščerbak A.M.* À propos de l'origine de l'alphabet turc prétendument «runique» // Études mongoles et sibériennes. Cahier, 1996.
- Thomsen, 1922 — *Thomsen V.* Samlede Afhandlinger. Tredje Bind. Kobenhavn, 1922.
- Tuna, 1990 — *Tuna O.N.* Eski Doğu Türk Yazısında Kullanılan Ligatürler ve Bunlarla ilgili Bazı Meseleler hakkında // III. Sovyet-Türk Kollokyumu “Göktürk Yazıtları”. Tebliğler. Malatya, 1990.

AOH — Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. Budapest

SPAW — Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Pfilologisch-historische Klasse. B.